

Когда он заговорил, лицо мужчины едва заметно изменилось, а пальцы, сжимавшие его запястье, немного ослабили хватку. Однако другая рука по-прежнему крепко обнимала его за талию, не давая вырваться из объятий.

— Почему?

Голос мужчины, низкий и глухой, словно вечерний храмовый колокол, отозвался гулом в ушах Цзи Цайсюэ. Он уловил в этом звуке смутные нотки недоумения и терзающей боли, что лишь усилило его замешательство.

— Почему ты не называешь меня старшим братом?

Цзи Цайсюэ чувствовал, как взгляд мужчины, словно змея, прилип к его телу. Чужая душа захватила тело его шисяна и теперь, не зная стыда, вознамерилась прибрать к рукам всё, что принадлежало тому по праву.

Гнев, рожденный из глубокой скорби, разогнал холод, сковывавший его, и сердитый вопрос уже готов был сорваться с губ, но стоило ему поднять глаза, как ярость испарилась.

Небо, словно залитое густой тушью, затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, которые, казалось, вот-вот раздавят весь Персиковый сад.

Это...

В его глазах вспыхнули молнии. Он резко обернулся к мужчине, не в силах поверить в то, что видит в этих по-прежнему холодных зрачках.

— Ты проходишь через небесную кару?

Гром заглушил его слова, но мужчина услышал вопрос. Он положил руку на плечо Цзи Цайсюэ и притянул его к себе. Все попытки вырваться оказались тщетны под гнетом подавляющей силы, и юноше оставалось лишь отвернуться, чтобы избежать контакта с этим холодным, незнакомым ароматом.

— Не бойся, — прошептал мужчина.

Цзи Цайсюэ почувствовал колебания ауры вокруг: казалось, мужчина воздвиг некое подобие магического барьера.

— Шисян защитит тебя.

— Ты вовсе не мой шисюн! — не выдержал он.

В ответ мужчина одарил его ледяным взглядом. Он задержал на нем взор, а затем произнес заклинание, смысла которого Цзи Цайсюэ не понял. Яркая вспышка ударила прямо в лицо, силы мгновенно покинули конечности, и он обмяк в объятиях мужчины.

Он словно оказался заперт в собственном теле, и лишь глаза, по-прежнему сияющие под сенью грозовых туч, выдавали его состояние. Гнев и страх пылали в них, а дрожащие ресницы лишь подчеркивали уязвимость и нежелание смириться. Когда мужчина взмыл ввысь к павильону, в поле зрения Цзи Цайсюэ попал знакомый силуэт.

Шэнь Хань в черном одеянии, полы которого развевались на ветру, застыл с вытянутыми руками, сложив пальцы в мудру. Золотой браслет на его запястье ярко сверкал. Цзи Цайсюэ скосил глаза: там, где только что стоял мужчина, зияла огромная обугленная воронка. Однако он не услышал ни звука взрыва.

— Ты сошел с ума! — крик Шэнь Ханя пробился сквозь барьер. Его хмурое лицо отразилось в глазах Цзи Цайсюэ. — Ты насильно возносишь его, он же погибнет!

Возносит... меня?

Зрачки Цзи Цайсюэ сузились. Вознести кого-то другого — это было неслыханно, по сути, ничем не отличалось от кражи чужой судьбы и было прямым вызовом Небесному Пути. Под ударами сорока девяти молний от него, вероятно, не останется даже пепла.

Но единственное, что он мог сделать сейчас — это вращать глазами.

— Я защищу его, — голос мужчины донесся словно с небес. Он говорил то ли с Шэнь Ханем, то ли сам с собой. — Даже Небесный Путь... не сможет причинить ему вреда.

Словно в ответ на это высокомерие, тяжелые тучи забурлили, прогремел оглушительный гром, и молния ударила прямо в них.

Цзи Цайсюэ успел лишь зажмуриться.

Боль, словно тысячи острых зубов, впиалась в каждую клеточку его кожи. Она поглощала сознание, и в этой пучине хаоса и онемения он уже не мог понять, где находится, жив он или мертв. Зрение по какой-то причине пропало, веки застыли. В этой пустоте он вдруг снова уловил тонкий, до боли знакомый аромат.

Это шисюн.

— У него была лишь база построения фундамента... Если ты насильно оставишь его в мире совершенствующихся, рано или поздно его душа будет разрушена...

— Именно поэтому я позволил тебе забрать его.

— Ты... хитро все рассчитал, но ведь Бессмертный Владыка Яогуан все еще в уединении...

— Я уже уведомил его, не нужно расспрашивать.

— Ты действительно... эх... упрямец.

После этого тихого вздоха в его дантянь хлынуло тепло. Боль отступила, на прощание задержавшись лишь на кончиках пальцев. Он словно провалился в глубокий сон, и вокруг снова воцарилась тишина.

Спустя неизвестное время он открыл глаза.

Золотой браслет выглядывал из-под черного рукава. Цзи Цайсюэ долго и заворуженно смотрел на него, пока рука с четкими очертаниями запястья не приблизилась к его лицу.

— Шэнь... Хань? — его голос прозвучал до ужаса хрипло. Он выдавил из себя жалкую улыбку, глядя на бесстрастное лицо Шэнь Ханя. — Я что... перезагрузился?

Не успел он договорить, как его подбородок с силой сжали. Цзи Цайсюэ охнул от боли, а виновник сего действия лишь криво усмехнулся, в улыбке сквозила злая ирония:

— Видимо, тебя и правда пришибло молнией. Твой брат Хань сейчас отправит тебя в путь, глядишь, в следующей жизни повезет родиться удачнее.

Молнией?

Цзи Цайсюэ нахмурился. Воспоминания, похожие на сон, хлынули в сознание, словно из другой жизни.

— Я не сошел с ума, брат Хань. — Он попытался перехватить руку Шэнь Ханя, сжимавшую его подбородок, но не смог сдвинуть ее ни на миллиметр. Шэнь Хань свысока наблюдал за тем, как юноша хмурится и тщетно пытается вырваться, а затем внезапно ослабил хватку. Послышалось тихое шипение — на коже отчетливо проступили красные следы.

— Вот и хорошо, а то этот безумный Мечник-владыка разнес бы весь мир совершенствующихся.

— Шэнь Хань выпрямился, отступив на шаг. — Руки-ноги работают? Вставай, разомнись.

Цзи Цайсюэ послушно поднялся. В отличие от сорванного голоса, тело ощущалось нормально, как и тогда, в мире людей. Упоминание Мечника-владыки, убившего собственного спутника жизни, Гуань Чжигэ, заставило его насторожиться.

Нет, нет... тот Мечник давно мертв, погиб три тысячи лет назад. Все те распри, о которых он читал в книгах, остались в далеком прошлом.

— Безумный Мечник... это кто?

Шэнь Хань размял запястье, глядя на бледное лицо юноши. В его глазах, казавшихся поначалу прозрачными, теперь клубился туман.

— Его обычно называют Мечником Чжэнцзэ. Он появился спустя сто лет после окончания Войны Трех Миров. Он был близким другом и шисюном нашего первого главы, Бессмертного Владыки Яогуана, и Бессмертного Владыки Цингуя... Конечно, теперь они враги. То, что Владыка Цингуй оказался в мире людей, напрямую связано с Мечником Чжэнцзэ. Но что именно произошло тогда — известно лишь им троим. — Шэнь Хань говорил с горькой усмешкой, но вскоре она исчезла. Его янтарные глаза блеснули, напоминая Цзи Цайсюэ хищного зверя. — Владыку Цингуя зовут Е Янь, он и есть хозяин Персикового сада.

Уже от одних этих имен становилось ясно, что речь идет о легендарных личностях. Неудивительно, что его учитель, даже будучи одним из сильнейших в мире людей, не хотел возноситься. Но те были совершенствующимися тысячелетиями, а учитель шел по этому пути всего десять с лишним лет — у него был безграничный потенциал...

— А... Бессмертный Владыка Цингуй все еще в мире людей? Есть ли новости о моем учителе? — вопросы сыпались один за другим. Цзи Цайсюэ пытался не казаться слишком встревоженным, но получалось плохо. — И еще... мой шисюн... то есть, тот, кто похитил меня, это и есть Мечник Чжэнцзэ? Почему он оказался в теле моего шисюна, и где сейчас сам шисюн?

Он выпалил все на одном дыхании, но ответа не последовало. Шэнь Хань выждал паузу и произнес:

— Владыка Цингуй еще не вернулся в Персиковый сад... Что касается остальных твоих вопросов, я не вижу необходимости отвечать.

— Что это значит?

Шэнь Хань пожал плечами. Сложив пальцы в мудру, он разорвал золотой браслет на запястье, и тот, удлинившись на несколько футов, завис в воздухе вокруг них. На звеньях вспыхнули золотые письмена. Как только они погасли, Цзи Цайсюэ погрузился во тьму, а когда зрение вернулось, пейзаж вокруг изменился.

Они стояли на узкой каменной лестнице. С одной стороны возвышалась скала, с другой — крутой склон, заросший густой зеленью. Позади уходила вниз узкая тропа, петляющая от самого подножия. Впереди виднелись старые ворота с облупившейся крышей и неразборчивой надписью. Вокруг клубился белый туман, моросил мелкий дождь, оседаая на ресницах.

Оказавшись в незнакомом месте, Цзи Цайсюэ невольно отступил. Он хотел было придвинуться к Шэнь Ханю, но, вспомнив его слова, замер, чем вызвал у того настороженность.

Шэнь Хань, не глядя на него, сложил руки в приветственном жесте в сторону ворот:

— Ученик Шэнь Хань просит аудиенции у Главы.

Через несколько мгновений туман впереди рассеялся, открыв короткий пролет лестницы. Это удивило Цзи Цайсюэ — он ожидал увидеть небесную лестницу в тысячи ступеней.

— Брат Хань... — начал он, хотя в душе был готов придушить этого самоуверенного типа, но понимал, что в таком случае сам окажется на земле. Пришлось сдержаться. Однако Шэнь Хань не дал ему договорить. Он обернулся и одарил его ледяной улыбкой:

— В покоях Главы — ни слова лишнего.

<http://bllate.org/book/18928/1852092>